

DOI 10.31250/2618-8619-2021-3(13)-147-157

УДК 94(961.1)

Владимир Александрович Носов

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-2690-6321

E-mail: troghil@yandex.ru

Фиджийский конфликтный конундрум: к вопросу о сосуществовании культур

АННОТАЦИЯ. Одним из важных аспектов жизни переживающего стремительную глобализацию мира является необходимость находить пути взаимодействия между самыми разными группами населения. Фиджи — регион, где колониальная политика создала точку серьезных разногласий между двумя населяющими архипелаг в настоящий момент общинами, у которых совсем мало общего и которые вынуждены делить ограниченный объем пространства и ресурсов. Их взаимодействие в таких условиях породило серьезный межобщинный конфликт, в отдельных эпизодах едва не перешедший в стадию масштабного насилия. Преимущество индийской общины в численности в течение нескольких десятилетий второй половины XX в. создало для коренного населения стрессовые условия. Попытки закрепить тем или иным способом доминирование коренного населения удовлетворительного результата не дали. Хотя в силу миграции представителей индийской общины сам демографический фактор более на отношения групп не оказывает серьезного влияния, само это обстоятельство гармонии не обеспечило и перспектива утраты политического контроля по-прежнему остается фактором, влияющим на процессы в обществе. Ныне действующая администрация прилагает усилия для решения проблемы взаимодействия общин иным путем, декларируя принципиально новый подход и демонстрируя решимость построить общество на другой основе. Развитие ситуации выглядит заслуживающим пристального внимания как для анализа механизмов межобщинного взаимодействия, так и поскольку оно позволяет сделать определенные выводы о действенности различных подходов к решению такого рода проблем. В статье представлен краткий анализ ситуации на островах, рассмотрены исторические аспекты ее складывания, положение общин, история и характер их взаимодействия, перспективы последнего в нынешних условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Фиджи, межобщинный конфликт, индийская диаспора, сосуществование культур

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Носов В. А. Фиджийский конфликтный конундрум: к вопросу о сосуществовании культур. *Кунсткамера*. 2021. 3(13): 147–157. doi 10.31250/2618-8619-2021-3(13)-147-157

Vladimir Nosov

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2690-6321
E-mail: troghil@yandex.ru

The Fijian Conflict Conundrum: Towards the Issue of the Coexistence of Cultures

ABSTRACT. One of the important aspects of life in a world experiencing rapid globalization is the need to find ways of interaction between the diverse groups of the population. Fiji is a region where colonial policies have created a point of significant disagreement between two communities, indigenous Fijians and people of Indian origin, that have very little in common but are forced to share a limited amount of space and resources. Their interaction in such conditions gave rise to a serious intercommunal conflict, which in some cases almost resulted in a large-scale violence. The Indian community had been outnumbering the indigenous population for several decades of the second half of the twentieth century, which created very stressful conditions for the latter. The attempts to assert the dominance of the indigenous population one way or another did not produce satisfactory results. Although, due to the outmigration of the representatives of the Indian community, the demographic factor itself no longer dominates the relations between the groups, this does not ensure harmony, and the danger of the loss of political control remains a tangible threat, seriously affecting the processes in the society. The current administration is making efforts to solve the problem of community interaction in a different way, declaring a fundamentally new approach and demonstrating intentions to build society on a different basis. The development of the situation looks deserving close attention, both for analyzing the mechanisms of intercommunal interaction, and also since it allows one to draw conclusions about the effectiveness of various approaches to solving such problems. The article provides a brief analysis of the situation in the islands and the historical aspects of its development, as well as an overview of the communities' situations, the history and nature of their interaction, and the prospects for that in the current conditions.

KEY WORDS: Fiji, intercommunal conflict, Indian diaspora, cultural coexistence

FOR CITATION: Nosov V. The Fijian Conflict Conundrum: Towards the Issue of the Coexistence of Cultures. *Kunstkamera*. 2021. 3(13): 147–157. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-3(13)-147-157

Поиски способов сосуществования разных культур в одном экономическом, политическом, социальном пространстве особенно актуальны для нашего глобализованного мира. Скорость миграции многократно увеличилась, способы, которыми взаимодействуют культуры, умножились, постоянно возникают проблемы, порожаемые разностью подходов. Повсеместно интересы и религиозных, и социальных и этнических групп сталкиваются в рамках конфликтов по самым разным поводам — от борьбы за природные ресурсы до понимания, как решать простейшие бытовые вопросы.

В этом плане пример Фиджи, где взаимодействуют две группы населения, условно именуемые «фиджийцы» и «индийцы», не имеющие ничего общего ни по этносу, ни по языку, ни по религии, ни по культуре, оказавшиеся на ограниченном пространстве, представляется весьма интересным. Различные аспекты взаимодействия двух самых крупных групп населения архипелага представляют живой интерес в качестве материала для дополнения существующих теории и практики сосуществования общин. Удаленность региона, относительно небольшой масштаб конфликта, отсутствие заметных всплесков межобщинной розни, в сущности, никоим образом не уменьшают ценности извлекаемых при анализе уроков.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить и новейшим тенденциям развития ситуации на островах, не освещенным в должной мере российской литературой, хотя их еще только предстоит подытожить и оценить в полной мере.

Несмотря на то что существует несколько вариантов, как наиболее точно именовать различные группы населения островов, и ведутся дебаты, к кому и при каких условиях приложим термин «фиджиец», в какой мере он охватывает всех жителей архипелага, автор статьи считает излишним участие в такого рода диспутах. Для удобства работы мы в настоящей статье будем, в соответствии со сложившейся традицией, именовать представителей индийской общины «индийцы», а коренное население — «фиджийцы», не вкладывая в эти понятия никаких дополнительных смыслов и никоим образом не подразумевая под ними какой-либо подтекст и коннотации.

Говоря о «фиджийцах», мы должны иметь в виду некоторые местные особенности. Не вдаваясь в подробности, следует тем не менее принять во внимание важные особенности архипелага, находящегося в пограничной зоне между двумя областями Океании, Меланезии и Полинезии, представители которых и участвовали в этногенезе его населения. Вытекающие из особенностей географического расположения и специфики миграционных процессов явления и прочные контакты (и конфликты) с жителями других групп островов тоже влияют на социальную организацию общества, расстановку сил, характер связей в нем, самые различные аспекты его функционирования (Народы мира 1988: 480; Oceania... 1984: 62, 67). Специалисты отмечают важность для понимания современной ситуации того обстоятельства, что к началу XIX в. на островах начали складываться протогосударственные образования, что оказало значительное влияние на развитие событий в дальнейшем.

От колониальной эпохи осталось немало горячих точек, имеющих основанием проблемы, созданные произволом метрополий ради своих экономических выгод или политических удобств. Фиджийская проблема в значительной степени наследство именно колониальной политики, хотя следует заметить, что многое из практики межобщинного взаимодействия на архипелаге результат действия факторов, которые сказывались после деколонизации и обстоятельств, возникших в период существования независимого государства Фиджи. Проблема в ее нынешнем виде уже не может быть сочтена продиктованной только колониальным наследством.

Тем не менее корни проблемы сосуществования общин на Фиджи кроются в наследии британского колониализма. Как известно, 10 октября 1874 г. тринадцать виднейших вождей архипелага подписали документы о вступлении в британское подданство (Oceania... 1984: 64), и вслед за тем на островах широко развернулось плантационное хозяйство с целью поставлять метрополии тропические продукты — на первых порах хлопок и затем сахар. Фиджи является, строго говоря, уникальным случаем для практики британского колониализма, его характеризуют как «аномалию»,

поскольку администраторы только советовали местным владыкам, с почтением относились к совету вождей, не допускали сомнительной выгоды сделок с землей, прилагали усилия к развитию экономики в интересах местных жителей и не допустили массовой эксплуатации коренного населения на плантациях (The Cambridge History... 1997: 225; Younger 2010: 169).

Между тем интересы плантаторов требовали множества рабочих рук, и прямо на месте организовать мобилизацию работников оказалось на тот момент неудобно, поскольку сразу после подписания вождями документа о переходе в британское подданство грянула серия эпидемий, разумеется, воспринятая как знак свыше. Полагают, что после этого надо было как-то восстановить доверие местных жителей, поэтому и отказались от принудительной мобилизации на плантации, а стали завозить рабочую силу извне, сперва с других островов Тихого океана. Но потери были большие, и местные вожди начинали роптать, слыша истории тех, кого привезли и делая выводы о колониальных порядках (Народы Австралии и Океании... 1956: 544; Oceania... 1984: 64; Younger 2010: 170). С 1879 г. начали завозить рабочих из Индии, причем плантаторы этим решением были не очень довольны, они предпочли бы все же мобилизацию рабочей силы на архипелаге или по крайней мере в регионе. В отличие от трудовой миграции на Тринидад и в Гайяну, предполагалось, что направляемые на Фиджи вернуться в родные места по завершении срока контракта (Lal 1983: 10–11).

С самого начала ставилась задача держать индийцев и коренное население порознь. Последствия другого подхода губернатор сэра Артур Гордон мог видеть в колониях, где работал прежде, и постарался на новом месте обеспечить максимальную социальную дистанцию между общинами. Даже чтобы на время покинуть плантацию, полагалось выписывать специальный пропуск. Полноценной реализации этой схемы препятствовало желание организовавшей миграцию компании, контролировавшей отрасль, извлечь максимальную выгоду. Завершая пятилетний контракт, завербованный мог возвращаться домой за свой счет либо отработать еще пять лет арендатором на плантациях и получить бесплатный билет. Соглашаясь на второй вариант, арендатор получал надел размером обычно около 10 акров и набор строгих предписаний, от указаний, что именно он должен выращивать, до инструкций, сколько и каких удобрений ему вносить (Котин 2007; Народы Австралии и Океании... 1956: 545; Gilliton 1962; Lal 1983: 10–11; Younger 2010: 169–171). Примечательно, что, хотя условия пребывания охарактеризованы как «ужасные» (The Cambridge History... 1997: 230) и удостоились обличения в индийской литературе (см.: Котин 2009: 64–65), выходцы из Индии предпочитали все же оставаться тут даже в трудных условиях, чем, как суммируют в литературе, «возвращаться к кастовой системе и нищете» (Народы Австралии и Океании... 1956: 545). Однако, скорее всего, в этом решении опять же решающую роль сыграли интересы бизнеса, которому было выгодно, чтобы индийские работники оставались на островах и продолжали работать на земле.

Несмотря на попытки предотвратить межобщинные контакты и неизбежные при такой разнице в культурах трения, начиная с практики физического установления дистанции между местами расселения групп, еще в начале XX в. наместились контуры будущих трудностей.

К 1916 г., когда найм рабочих рук на стороне был окончательно прекращен, выходцев из Индии оказалось на островах более 50 тысяч из примерно 140 тысяч жителей. До начала Второй мировой войны фиджийцы всегда превышали численностью индийцев, хотя разрыв постепенно сокращался. По данным 1946 г., коренное население оказалось в меньшинстве, и такое положение сохранялось при проведении переписей и авторитетных исследований в 1956, 1966, 1971, 1975, 1981 гг., к 1982 г. 50 % населения — индийцы и 44 % — фиджийцы (Demographic Yearbook 1949: 97; Lal 1992: 63; Lal 2008: 16; Oceania... 1984: 65; The World Factbook 1982: 70; Океания 1982: 288). К 1936 72 % членов индийской общины тут и родились (Oceania... 1984: 65; Lal 1992: 74), к 1970-м годам 90 % местных индийцев — уроженцы острова (Area Handbook... 1971: 236), для них Фиджи — родной дом и единственный, который они знают, поэтому выезд в Индию для общины не представляется выходом.

Перемены в экономике и политике империи повлекли отказ от завоза новых рабочих рук и пересмотр многих аспектов системы хозяйствования на Фиджи. В итоге к исходу первой четверти XX в. сложилась экономическая система, удачно охарактеризованная как «трехногий стул» (Пале 2012: 70): индийцы состояли в арендаторах земли, которой владели фиджийцы, фиджийцы получали деньги от аренды, европейцы обеспечивали капитал и технологии для переработки сельскохозяйственных продуктов и заведовали сбытом продукции (Oceania... 1984: 66). Со временем появились торговцы, ремесленники, администраторы, клерки из числа индийцев, к середине 1960-х годов представители общины стали преобладать в торговле, полиции, образовании, здравоохранении, на госслужбе (Oceania... 1984: 70; The Cambridge History... 1997: 418), их присутствие в целом ряде секторов экономики стало подавляющим. Разумеется, прогресс от бесправных арендаторов вверх по ступеням социальной лестницы не мог не повлечь формирования соответствующих мироощущения и нарратива.

Конечно, такие перемены не могли не вызвать последствий, тем более во времена, когда обстановка в мире и колониальная политика вслед за ней начали стремительно меняться.

Процессы, связанные с этими переменами, могли бы быть куда более деструктивными, а проблемы приобрести значительно более острый характер, если бы не ряд особенностей положения дел на архипелаге. Во-первых, британская колониальная империя не пустила дела на самотек, как часто поступала в период деколонизации, а принимала деятельное и, главное, вполне конструктивное участие в урегулировании возникающих трудностей. Во-вторых, потенциально опасный сценарий противостояния двух сплоченных групп, примерно равных по численности, был предотвращен благодаря фрагментации индийской общины и относительной сплоченности фиджийского общества к моменту обретения независимости.

Индийская община не представляла и не представляет собой однородное сообщество, хотя некоторые общие черты все же есть. Примерно 75 % индийцев представляют индоарийскую лингвистическую группу, примерно такой же процент с территорий, ныне входящих в штаты Уттар-Прадеш и Бихар. Большинство говорит на хинди, известном здесь как «хиндустани». В составе общины выделяются четыре субгруппы по региону происхождения: северяне, южане, пенджабцы и гуджаратцы, — и две религиозные: индуисты и мусульмане. По утверждению специалистов, кастовые перегородки в обществе стерлись еще во время миграции, но все члены общества знают, кто есть кто по происхождению, и марьяжи между представителями различных страт редки, заметна и нежелательность браков между теми, кто приехал по собственной инициативе, и теми, кто является потомками гастарбайтеров, и как желательное рассматривается, например, соблюдение брачных обрядов, характерных для кастовой системы.

Наблюдается серьезная разница между представителями общины и в экономическом плане. На селе представители общины в основном арендаторы в подчиненном положении, а в городах они составляют средний класс (Котин 2009: 66; Народы мира 1988: 479; Окунев 2014: 142; Encyclopedia of India 2006: 335; Oceania... 1984: 69–70; Religions of the World 2002: 502). Показательно, что, переехав куда-то, выходцы из индийской общины Фиджи группируются по своим индийским корням, а не по фиджийской географии или принципу социальной близости: выходцы из Северной Индии тяготеют общаться с земляками, несмотря на подразумеваемую общность с прибывшими с архипелага (Religions of the World 2002: 504). Выдвигается предположение, что отсутствие единства в общине мешало появлению крепкого руководства ею и партии индийцев в подходе к идеологии и стратегии разнились очень существенно (The Cambridge History... 1997: 417; World Encyclopedia of Religious Practices 2007: 365), зачастую враждую друг с другом интенсивнее, чем с политическими противниками, представлявшими фиджийскую общину.

Фиджийская община довольно подробно описана в научной литературе, поэтому стоит остановиться лишь на основных чертах. До наших дней она в значительной степени сохраняет черты традиционного общества, существовавшего на островах к моменту начала колонизации региона европейцами, в широком спектре — от форм социальной жизни до предпочтений в питании

и жилищном строительстве. Как следствие, она опирается на традиционную систему управления, вожди играли и играют важнейшую роль в организации экономической и социальной жизни. Даже переезд в города и миграция за рубеж не всегда позволяют расстаться с системой.

Вожди всерьез влияли и на политическую обстановку в обществе. На этот счет относят целый ряд политических решений, повлекших тектонического масштаба перемены в жизни островов. Отказ вождей поддержать в 1990-х годах правящую партию, одержавшую победу на всех выборах того десятилетия, вверг ее в жесточайший кризис, она не получила ни одного мандата в очередном избирательном цикле (*Political Handbook of Asia 2007*: 213). Традиционные представления сказываются и во многих других сферах. До сих пор положение человека в обществе и притязания его на высокие посты зачастую оцениваются по его “мана”.

Фиджийское общество тоже неоднородно, хорошо известны и освещены в специальной литературе антагонизм различных конфедераций и вождей (*Political Parties...* 2008: 173; Пале 2012: 85), но это в меньшей степени влияет на различные аспекты жизни общества благодаря иерархии и следованию традиционным практикам.

Важным элементом мировоззрения фиджийцев является их традиционный образ жизни. Земля — один из краеугольных камней фиджийского мировоззрения, связанные с ней представления — важный компонент менталитета. Как уже говорилось, участки земли брались европейцами в аренду под нужды плантационного хозяйства и далее обрабатывались руками наемных рабочих. Формально землю у местного населения отчуждали на временной основе. Серьезно повлияла на настроения в фиджийской общине и судьба маори, которым британская колониальная администрация предоставила еще в 1840-х годах гарантии неприкосновенности их земель, что не помешало самыми разными путями, в том числе предусматривающими прямые нарушения этих гарантий, за 70 с небольшим лет сократить подконтрольные коренному населению Новой Зеландии территории с 26,7 до 2,9 млн акров (*Mein-Smith 2005*: 78). Опасность отчуждения одной из главных ценностей общины, обладающей почти сакральным значением, в колониальные времена несомненно существовала. Такая угроза, хоть и в изменившихся формах, сохранялась и в независимом государстве. Аграрная реформа под руководством укомплектованной представителями индийской общины администрации и реформа аграрных отношений, призванная обеспечить арендаторам дополнительные права и обезопасить их от прихотей землевладельцев, о чем неоднократно заходила речь в политическом поле, явно грозили чем-то подобным. И оба эти вопроса поднимались в ходе избирательных кампаний. Даже если принять во внимание относительную незначительность земли как экономического актива в существующих ныне условиях, не следует сбрасывать со счетов значение земли для менталитета коренного населения. Но и вопрос о судьбе индийских арендаторов, проживших не одно поколение на арендованных у компании участках, которая, в свою очередь, «одолила» землю у коренного населения, остается довольно острым, и голоса этой части населения на выборах тоже слышны.

Оказаться в меньшинстве на собственной земле, как маори, уже достаточно неприятная перспектива. Но быть еще и в подчинении у людей, которых привезли обслуживать экономические интересы бизнесменов колониальной империи, чья деятельность приносила фиджийцам не такие уж существенные выгоды, тем более учитывая предсказуемую тенденцию коренного населения смотреть на них свысока, выглядит уже просто пугающе. Легко ли принять такое положение? Естественно, перспектива подобного исхода значительно влияет на менталитет.

В религиозном плане и в отношении к колониальной администрации и ее геополитическим интересам общего у двух общин тоже немного (*The Cambridge History...* 1997: 300–303; *Religions of the World 2002*: 501).

Как мы уже суммировали в начале статьи, перед нами две общины, не связанные ни общим языком, ни общим происхождением, не имеющие ни общей истории, ни общей культуры, вынужденные делить ограниченный объем ресурсов на ограниченной площади. При этом одна — относительно недавние по историческим меркам мигранты — претендует если не на главенство,

то на широкий доступ к ресурсам, демонстрируя умение использовать для этого открывающиеся возможности, гордая талантами своих членов пробиваться из бесправных арендаторов в юристы и медики.

Следует особо отметить, что у обеих групп весьма ограниченный опыт позитивного взаимодействия с другими общностями. Индия 1890-х годов, с преимущественно сельским населением, низкой его мобильностью и небольшим объемом практик взаимодействия с «иными», не способствовала закреплению у своих уроженцев таких навыков. Фиджийская община располагала опытом контактов с соседями по региону и сосуществования с ними. Но взаимодействие с колониальной администрацией и переселенцами из метрополии, т. е. с людьми, не располагающими опытом сколько-нибудь успешной практики сосуществования, конечно, ничего к интеграционному потенциалу фиджийцев добавить не могло.

Как развивалось взаимодействие двух настолько разных групп в таких условиях? Вопросы политической жизни Фиджи с 1950-х по начало 2000-х годов неплохо освещены в литературе, как отечественной, так и зарубежной, поэтому нам достаточно только обозначить главные эпизоды и прокомментировать их.

В процессе борьбы населения колонии за большую долю полномочий в управлении наметилась и разница позиций общин: за всеобщее избирательное право и самоуправление выступали в большей степени индийцы, которым требовалось отстаивать свои позиции, чем местные, и даже более того, фиджийцы и европейцы объединялись против индийцев в политике колониальных дней (Asea Handbook... 1971: 237). Как полагают, в начале XX в. существовала вероятность, что индийцы и европейцы будут действовать совместно, раз их экономические интересы совпадают, в ущерб коренному населению, но потом положение дел изменилось (From Election... 2007: 3). Индийцы деятельно боролись за свои права и политическое представительство, требовали всеобщего избирательного права, а фиджийцы и европейцы возражали, указывая, что его введение будет нарушением условий соглашения о протекторате, и можно согласиться с мнением, что всеобщее избирательное право на тот момент имело бы следствием закрепление индийского доминирования (Political Parties... 2008: 167). В середине 1960-х годов, уже в преддверии деколонизации, британская корона пошла на реформы, окончательно закрепив существование парламентской системы управления. Было введено всеобщее избирательное право, но с оговорками. Большая часть депутатов парламента избиралась по одной из трех курий — фиджийской, индийской и европейской, и еще одна группа парламентариев получала свои мандаты по так называемому общему списку, результатам совместного голосования всех трех групп. Выдвигаться по нему можно было всем желающим независимо от общинной принадлежности (Elections in Asia and Pacific 2001: 647). Видимо, предполагалось, что такая система позволит выдвинуть политиков национального уровня, способных найти поддержку у обеих общин (From Election... 2007: 3), но если и так, то расчет не оправдался. Законодательство о выборах на Фиджи корректировали несколько раз, последний в начале 2010-х, но исключить неприятные для коренного населения неожиданности не удавалось.

В 1977 г. обнаружилась перспектива реальной утраты контроля коренным населением в связи с победой на выборах оппозиции. Но сказались разногласия в индийской общине, не позволившие формальным победителям выборов оперативно выдвинуть своего кандидата в премьеры, и не в последнюю очередь благодаря действиям генерал-губернатора, крупного вождя по происхождению, политиком успел предотвратить такую возможность. В 1987 г. выборы выиграл опиравшийся на голоса индийской общины альянс, выдвинувший в премьеры представителя коренного населения. Но и самой угрозы потери контроля хватило для совершения двух переворотов подряд, а потом и для тотального реформирования всей политической структуры. Однако ни этого реформирования, ни проведенного в конце 1990-х годов пересмотра конституции, призванной закрепить доминирующее положение коренного населения, не оказалось достаточно для того, чтобы предотвратить победу на выборах 1999 г. политической группировки, опиравшейся на избирателей-индийцев, и выдвижение первого в истории премьера из их рядов. На своем посту он

пробыл ровно год, испытывая довольно серьезное давление сразу с нескольких направлений. На сей раз радикалы предприняли вооруженное выступление, с генезисом, движущими силами и поддержкой которого все еще остается много неясного и скрытого от глаз, и в итоге первого на премьерском посту представителя теперь уже этнического меньшинства удалось сместить (Area Handbook... 1971; The Cambridge History... 1997; Europa World Yearbook... 2005; The Far East and Australasia... 1991; The Far East and Australasia... 2010; International Encyclopedia... 2009; Lal 1992; Oceania... 1984; Political Handbook... 2007; Worldmark Encyclopedia... 2005; Лебедева 1981; Лебедева 1985; Океания 1982; Окунев 2014; Пале 2003; 2008; 2012).

События 1987 и 2000-х годов сопровождалась эксцессами и насилием в отношении представителей индийской общины (The Far East and Australasia 1991: 762; International Encyclopedia... 2009: 1199; Europa World Yearbook 2005: 1663; Окунев 2014: 149), и это плюс, видимо, возможность тогда относительно легко эмигрировать в США, Великобританию и другие развитые страны послужило причиной миграции выходцев из Индии за рубеж. В 1989 г. впервые за сорок с лишним лет коренное население оказалось в большинстве (48 % фиджийцев и 46 % индийцев) и дальше оставалось самой крупной общиной, к 2007 г., по данным переписи населения, соотношение фиджийцев и индийцев 56 к 37 (Worldmark Encyclopedia... 2005: 192; The Far East and Australasia 2010: 986; Political Handbook of Asia 2007: 203; Политические системы... 2012: 472; Political Handbook of the World 2015: 481).

Действительно ли присутствие на премьерском посту представителя индийской общины угрожало коренным фиджийцам серьезными последствиями, вопрос дискуссионный, но несомненно, что такую перспективу коренное население рассматривало как крайне нежелательную. Умеренная по своему тону риторика лидеров индийских политических партий, учитывая вышеперечисленные факторы, не так уж серьезно сглаживала противоречия. Не так уж много людей пошло за организатором вооруженного выступления 2000 г., но и возражающих, насколько можно судить, было немного. Общество, может, и не готово выступать за депортацию индийского населения, как это предлагали горячие головы, но и не возражает громко против выступлений радикалов на эту тему. В индийском фольклоре отношение фиджийцев к индийцам (насколько вторые могут оценить со своей позиции мнение первых) суммировано, по-видимому, с естественной поправкой на поэтические преувеличения и эмоции создателя стихов о горькой судьбе выходцев из Индии на чужбине в разных странах: «Кабы могли, выкинули бы и их» (Котин 2009: 67). Вопрос о том, действительно ли ныне численно уменьшившаяся и представляющая уже меньшинство индийская община может угрожать политическому доминированию коренного населения или эта тема используется как способ мобилизации определенного электората, представляется спорным.

При этом, по существу, Фиджи во всех внешних проявлениях оставалось государством коренного населения. Флаг, герб, гимн, дизайн монет и банкнот — ничто не отображает присутствия в обществе индийцев и какой-либо их вклад в создание независимого государства. Даже здание парламента построено в стиле традиционного фиджийского жилища. Это даже закреплено в том, как организована политическая жизнь: акторы ее согласны на серьезные меры, вплоть до прямого нарушения закона и обострение отношений с международным сообществом, только бы исключить даже теоретическую возможность закрепления у власти представителей индийской общины.

Примечательно, что при всех попытках разрешения проблемы не предпринималось, насколько можно судить, никаких мер по интеграции общин.

Представители индийской общины жили ровно тем же, чем и дома, работали в таком же режиме, сохраняли даже кулинарные предпочтения (см., например: Lal 1992: 75–76). Представители индийской общины никак не смешиваются с местными и сохраняют свою культуру (Народы мира 1988: 479), и межобщинные браки — редкость (World Encyclopedia of Religious Practices 2007: 364).

Никаких вообще сведений о серьезных попытках преодолеть отчуждение нет, кроме факта существования клуба межнационального общения, созданного в 1946 г., но он не был популярен (Народы Австралии и Океании... 1956: 553). В политическом поле также редко наблюдаются

партии, всерьез призывающие к интеграции, и они остаются маргинальными (см., например: *Political Handbook of the World 2015*: 485). Даже система образования де-факто сегрегирована (*Oceania...* 1984: 72; *World Education...* 2002: 437).

По большому счету серьезного намерения политической элиты из коренного населения решить вопрос сосуществования каким-либо образом, кроме замораживания отвечающей ее интересам ситуации и сохранения ее в таком виде любыми способами, мы не видим. Незаметно тяготения к интеграции в той или иной форме и с другой стороны. Последствия такого подхода проявили себя в форме постоянной тревожности в обществе, политической нестабильности, периодических всплесках конфронтации.

Принципиально новый подход к межобщинным отношениям на Фиджи продекларировали организаторы крупных политических перемен на архипелаге в период с 2006 г. по настоящее время. События 2006 г. и водворение новой администрации, принятой, кстати, и индийской общиной, но не принятой фиджийскими радикалами (*World Year Book 2013*: 1751; *Political Handbook of the World 2015*: 486), ознаменовало, пожалуй, новую эру в политической жизни Фиджи.

Сложность ее анализа, помимо отсутствия возможности сделать ретроспективу и наблюдать события в перспективе, поскольку прошло не так уж много времени и крупные объемы данных еще не успели накопиться, дополняется еще отношением к новой стратегии многих пишущих о регионе авторов. В их рядах имеется тенденция сосредоточиваться на относительно небольшом наборе тем — «обличать авторитарность», «нарушения прав человека», «нажима на оппозиционеров», «концентрацию власти в одних руках». Не вступая в дебаты по вопросу о верности или неверности этих ярлыков применительно к фиджийскому руководству последних полутора десятилетий, стоит заметить, что зачастую в таких работах подчеркивание несоответствия политической практики фиджийского руководства принятым в ряде стран мира образцам поведения закрывает вообще все остальные темы.

Каковы же воззрения нового руководства на животрепещущую проблему взаимодействия общин? Оно продекларировало отказ от дискриминации, создание в перспективе новой общей идентичности, реформу администрации, призванную урегулировать все проблемы между общинами, результатом чего должно стать чуждое расизму, терпимое к культурным различиям, единое и справедливо управляемое государство. Был изменен состав совета вождей и серьезно ограничены его возможности официально влиять на ситуацию в стране (Пале 2012: 95; *World Year Book 2013*: 1752–1753). Закон о выборах отныне упразднил деление округов и электората по этническому принципу (*Political Handbook of the World 2015*: 483). Возможно, ситуация потери контроля при наличии многочисленной индийской общины со своими интересами сочтена маловероятной, а возможно, создатели новой политической структуры посчитали ее достаточно прочной, чтобы справиться с возможными угрозами. Видимо, в данном случае мы имеем дело с попыткой решить вопрос мерами «сверху». Такой подход практиковался в прошлом столетии неоднократно, но нельзя откинуть обоснованное опытом его применения сомнение в результативности подобных мер. То обстоятельство, что ныне существующее правительство находится у власти дольше, чем любое другое в истории Фиджи, не должно само по себе ставить крест на сомнениях, действительно ли вопрос решен окончательно и межобщинные трения урегулированы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Котин И. Ю.* Процессы формирования южноазиатской диаспоры (XIX–XXI вв.). СПб.: СПбГУ, 2007.
- Котин И. Ю.* Голос индийской диаспоры // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика.* 2009. № 4. С. 62–71.
- Лебедева Н. Б.* Фиджи — история и современность. М.: Наука, 1981.
- Лебедева Н. Б.* Фиджи — перекресток Океании. М.: Знание, 1985.
- Народы Австралии и Океании / под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова. М.: АН СССР, 1956.
- Народы мира / под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Советская энциклопедия, 1988.

- Океания / под ред. К. В. Малаховского, В. П. Николаева. М.: Наука, 1982.
- Окунев И. Ю. Геополитика микросоциальных государств. М.: МГИМО, 2014.
- Пале С. Е. Фиджи. В череде государственных переворотов // Азия и Африка сегодня. 2003. № 8 (553). С. 43–46.
- Пале С. Е. Этнополитические конфликты в странах Океании в постколониальный период (на примере французских владений в Тихом океане, Фиджи и Соломоновых островов). М.: Институт востоковедения РАН, 2008.
- Пале С. Е. Постколониальные конфликты в странах Океании. М.: Институт востоковедения РАН, 2012.
- Политические системы современных государств. Америка. Австралия и Океания / под ред. А. В. Торкунова. М.: Аспект-Пресс, 2012.
- Area Handbook for Oceania. Washington: American University, 1971.
- Demographic Yearbook. 1948. New York: United Nations, 1949.
- Elections in Asia and Pacific. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Encyclopedia of India. Vol. 1. Farmington Hills: Thomson Gale, 2006.
- Europa World Yearbook. 2005. Vol. 1. London; New York: Routledge, 2005.
- From Election to Coup in Fiji. Canberra: Australian National University, 2007.
- Gilliton K. Fiji's Indian Migrants: A History to the End of Indenture in 1920. Melbourne: Oxford University Press, 1962.
- International Encyclopedia of Revolution and Protest. Oxford: Blackwell Publishing, 2009.
- Lal B. Girmityas. The Origins of the Fiji Indians. Canberra: Australian National University, 1983.
- Lal B. Broken Waves. A History of the Fiji Islands in the Twentieth Century. Honolulu: University of Hawaii Press, 1992.
- Lal B. A Time Bomb Lies Buried. Fiji's Road to Independence, 1960–1970. Canberra: Australian National University, 2008.
- Mein-Smith P. A Concise History of New Zealand. Port Melbourne: Cambridge University Press, 2005.
- Oceania. A Regional Study. 2nd ed. Washington: American University, 1984.
- Political Handbook of Asia. 2007. Washington: CQ Press, 2007.
- Political Handbook of the World. 2015. Washington: CQ Press, 2015.
- Political Parties in the Pacific Islands. Canberra: Australian National University, 2008.
- Religions of the World. Santa-Barbara: ABC-CLIO, 2002.
- The Cambridge History of the Pacific Islanders. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- The Far East and Australasia. 1991. London; New York: Europa Publishing, 1991.
- The Far East and Australasia. 2010. London; New York: Routledge, 2010.
- The World Factbook. 1982. Washington: Central Intelligence Agency, 1982.
- The World Factbook. 1995. Washington: Central Intelligence Agency, 1995.
- World Education Encyclopedia. Vol. 1. Farmington Hills: Thomson Gale, 2002.
- World Encyclopedia of Religious Practices. Vol. 2. Farmington Hills: Thomson Gale, 2007.
- World Year Book. 2013. Vol. 1. London; New York: Routledge, 2013.
- Worldmark Encyclopedia of Nations. Asia and Oceania. 2005. Farmington Hills: Thomson Gale, 2007.
- Younger P. New Homelands. Hindu Communities in Mauritius, Guyana, Trinidad and South Africa. Oxford: Oxford University Press, 2010.

REFERENCES

- Area Handbook for Oceania. Washington: American University, 1971.
- Elections in Asia and Pacific. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Encyclopedia of India. Vol. 1. Farmington Hills: Thomson Gale, 2006.
- Europa World Yearbook. 2005. Vol. 1. London; New York: Routledge, 2005.
- From Election to Coup in Fiji. Canberra: Australian National University, 2007.
- Gilliton K. Fiji's Indian Migrants: A History to the End of Indenture in 1920. Melbourne: Oxford University Press, 1962.
- International Encyclopedia of Revolution and Protest. Oxford: Blackwell Publishing, 2009.
- Kotin I. *Protsessy formirovaniia iuzhnoaziatskoi diaspori (XIX–XXI vv.)* [Processes of the Formation of the South Asian Diaspora (19th–21st Centuries)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2007.
- Kotin I. Golos indiiskoi diaspori [The Voice of the Indian Diaspora]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, 2009, no. 4, pp. 62–71.

- Lal B. *Girmityas. The Origins of the Fiji Indians*. Canberra: Australian National University, 1983.
- Lal B. *Broken Waves. A History of the Fiji Islands in the Twentieth Century*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1992.
- Lal B. *A Time Bomb Lies Buried. Fiji's Road to Independence, 1960–1970*. Canberra: Australian National University, 2008.
- Lebedeva N. *Fiji — istoriia i sovremennost'* [Fiji: History and Modernity]. Moscow: Nauka, 1981.
- Lebedeva N. *Fiji — perekrestok Okeanii* [Fiji: The Crossroads of Oceania]. Moscow: Znanie 1985.
- Mein-Smith P. A *Concise History of New Zealand*. Port Melbourne: Cambridge University Press, 2005.
- Narody Avstralii i Okeanii* [Peoples of Australia and Oceania]. Ed. by S. A. Tokarev, S. P. Tolstov. Moscow: AN SSSR, 1956.
- Narody mira* [Peoples of the World]. Ed. by Yu. V. Bromlei. Moscow: Sovetskaia Entsiclopedia, 1988.
- Oceania. A Regional Study*. 2nd ed. Washington: American University, 1984.
- Okeaniia* [Oceania]. Ed. by K. V. Malahovskii, V. P. Nikolaev. Moscow: Nauka, 1982.
- Okunev I. *Geopolitika mikrogosudarstv* [The Geopolitics of Micro-States]. Moscow, MGIMO, 2014.
- Pale S. Fiji. V cherede gosudarstvennykh perevorotov [Fiji. In a Sequence of Coups]. *Aziia i Afrika segodnia*, 2003, no. 8 (553), pp. 43–46.
- Pale S. *Etnopoliticheskie konflikty v stranakh Okeanii v postkolonial'nyi period (na primere frantsuzskikh vladanii v Tikhom okeane, Fiji i Solomonovykh ostrovov)* [Ethno-Political Conflicts in the Countries of Oceania in the Post-Colonial Period (The Case of the French Possessions in the Pacific, Fiji and the Solomon Islands)]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2008.
- Pale S. *Postkolonial'nye konflikty v stranakh Okeanii* [Post-Colonial Conflicts in the Countries of Oceania] Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2012.
- Political Handbook of Asia. 2007*. Washington: CQ Press, 2007.
- Political Handbook of the World. 2015*. Washington: CQ Press, 2015.
- Political Parties in the Pacific Islands*. Canberra: Australian National University, 2008.
- Politicheskie sistemy sovremennykh gosudarstv. Amerika. Avstraliia i Okeaniia* [The Political Systems of Modern States. America. Australia and Oceania]. Ed. by A. V. Torkunov. Moscow: Aspekt-Press, 2012.
- Religions of the World*. Santa-Barbara: ABC-Clio, 2002.
- The Cambridge History of the Pacific Islanders*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- The Far East and Australasia. 1991*. London; New York: Europa Publishing, 1991.
- The Far East and Australasia. 2010*. London; New York: Routledge, 2010.
- World Education Encyclopedia*. V. 1. Farmington Hills: Thomson Gale, 2002.
- World Encyclopedia of Religious Practices*. Vol. 2. Farmington Hills: Thomson Gale, 2007.
- World Year Book. 2013*. Vol. 1. London; New York: Routledge, 2013.
- Worldmark Encyclopedia of Nations. Asia and Oceania. 2005*. Farmington Hills: Thomson Gale, 2007.
- Younger P. *New Homelands. Hindu Communities in Mauritius, Guyana, Trinidad and South Africa*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Submitted: 01.04.2021

Accepted: 09.06.2021

Published: 10.10.2021